Давыдова Светлана Ильинична

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ В ТРУДАХ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕИСТОВ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются моральная метафизика и нравственное богословие традиции, известной как православная персонология. Эта традиция развивает идеи патристики относительно понимания личности. Анализируются труды о нравственности духовно-академических теистов XIX века А. Богородского "Нравственное учение апостола Павла" и "Нравственное учение св. преп. Макария Египетского" иеромонаха Алипия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 58-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1.091
Философские науки

В статье рассматриваются моральная метафизика и нравственное богословие традиции, известной как православная персонология. Эта традиция развивает идеи патристики относительно понимания личности. Анализируются труды о нравственности духовно-академических теистов XIX века А. Богородского «Нравственное учение апостола Павла» и «Нравственное учение св. преп. Макария Египетского» иеромонаха Алипия.

Ключевые слова и фразы: вера; теизм; нравственность; персонология; антропология.

Давыдова Светлана Ильинична, к. филос. н., доцент
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
328gr@rambler.ru

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ В ТРУДАХ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕИСТОВ XIX ВЕКА

Отечественную духовно-академическую философию XIX века часто характеризуют «антропологическим ренессансом», во многом повлиявшим на русскую культуру философствования в плане разработки «онтологии души», «метафизики человека». Поэтому актуальной представляется теоретическая реконструкция православного метафизического учения о человеческой душе, а также православной философской концепции об онтологической укорененности морали в человеческом бытии в силу актуальности этих вопросов и в начале третьего тысячелетия.

Моральная метафизика и нравственное богословие имели много общего во взглядах на предмет собственного исследования – в вопросах о сущности нравственного добра, нравственного закона, нравственной жизни человека. В развитии христианской моральной науки можно выделить пути западный и восточный.

Западный путь более известен как путь «высокой православной схоластики» XIX века. Он был связан с деятельностью таких представителей российских духовных академий как Ф. А. Голубинский, П. Д. Юркевич, А. Ф. Гусев, В. И. Несмелов, М. М. Тареев и др. [3].

Восточный путь, представленный в православной персонологии, в большей степени ориентировался на апостольскую традицию, сочетавшую умозрение на основе исихастского умного делания, что позволяло восстановить целостность христианской этики и антропологии. Подтверждением жизни святоотеческой традиции в духовных академиях может быть та проблематика, которая рассматривалась на лекциях по философии и нравственному богословию и отражалась в диссертациях, курсовых и выпускных работах. Возможности статьи не позволяют представить анализ широкого круга уникальных рукописных текстов, к сожалению пока невостребованными лежащих в архивах наших национальных библиотек. Остановимся на нескольких наиболее типичных, относящихся к заявленной теме, в частности, таких как «Нравственное учение апостола Павла» А. Богородского и «Нравственное учение св. преп. Макария Египетского» иеромонаха Алипия.

В работе Алипия отмечается: «Характерное и типичное направление времени – усыпление в обществе в науках интереса к вопросам религии, этики, философии. Имеется разнообразие нравственных учений, но особое значение имеет святоотеческая письменность в связи с нравственно-аскетическим характером их творений» [1, ед. 4, с. 5]. Уже в середине XIX века проявляется интерес к позитивистской философии, которая озабочена главным образом улучшением бытия и социальных условий жизни человека. Распространились материалистические философские учения, отрицающие в человеке разумную и бессмертную душу, бытие Бога и исходящее от него нравственное законодательство.

На этом фоне в конце XIX века возникает сентиментальное направление в вопросах нравственности, представленное Л. Н. Толстым, а сегодня имеющее вид теории общечеловеческих ценностей. Тогда это взбудоражило образованное общество и, как отмечает и. Алипий, «вызвало огромную литературу» по этике [Там же, с. 10-15].

Проявился, казалось бы, совсем утраченный интерес к христианской нравственности, но сложившееся к середине XIX века недоверие к догматическому нравственному богословию к XX веку переросло в неверие. Это движение породило обилие мистических направлений и свободного изложения христианства без церковного авторитета. По мнению Алипия, современные ему православные учения о нравственности можно свести к четырем типам: «- системы, рассматривающие нравственность с точки зрения обязанностей и сводящие ее к чисто внешним формам. Таковы нравственные системы арх. Платона, прот. Солярского, Баженова, Покровского;

- системы, излагающие нравственное учение в виде добродетелей или описания нравственно добродетельного характера как сочетания разных добродетелей в живой личности. Таковы черты деятельного богопочитания по учению Св. Отцов Православной Церкви, нравственное учение прот. П. Фаворова, нравственное богословие прот. Е. Попова;

- изложение православной нравственности с точки зрения учения о высшем благе и, в связи с этим, изложение того, чего должен желать человек, а от чего удаляться. К таковым можно отнести “нравственное учение о спасении” арх. Сергия (Остроградского);

- системы, которые совмещают все перечисленные точки зрения, как, например, у еп. Мартенсяна или в нравственном богословии у Пятницкого» [Там же, с. 21].

Особо выделяются Алипием такие работы как «Православное христианское учение о нравственности» И. Л. Янышева и «Начертание христианского нравоучения» еп. Феофана. Труд Янышева представляет собой

образец высокой православной схоластики, так как здесь впервые с научной последовательностью строго выстроена моральная система [4, с. 82].

Труд еп. Феофана написан в парадигме святоотеческого учения. Он «проникает в существо христианского идеала и рассматривает все разнообразие движений нравственного чувства» [1, ед. 4, с. 25]. Удивляет то, насколько глубоко и полно в духовных академиях знали и понимали современную им западную философию вообще, особенно становившийся модным позитивизм. Многие работы были посвящены критике научных теорий нравственности, блестяще это делает и Алипий. Он пишет: «Многие этические учения, такие как утилитаризм, теория нравственного долга, гедонизм и эвдемонизм пытаются найти другие основания морали. Так, утилитаризм полагает, что качества наших действий должны определяться не отвлеченными понятиями и представлениями о достоинстве и высшем назначении человека, не внутренним сознанием и чувством, а последствиями их для счастья как конечной цели всех желаний человеческих. Наибольшая сумма удовольствий для наибольшего числа людей – вот последняя цель, к которой должно стремиться наше нравственное образование» [Там же, с. 35].

Подвергаются критике и те, кто, находя нравственное начало утилитаристов несостоятельным, полагают в основу нравственности долг. Они стараются удержаться на почве чисто научной и не выходить из фактического знания, потому понимают долг не как метафизическое начало, а только как факт сознания. Таким образом, все сводится к познанию человека, и для того, чтобы определить его долг и установить правила деятельности, нет нужды выступать за пределы опытных исследований; надо выяснить и осознать лишь то, что дано в опыте, что существует как факт. Однако почему мы одни инстинкты, побуждения и влечения считаем низшими, а другие высшими, если они одинаково естественны в нас? Где нет идеала, там нет и долга. Признавая долг, мы уже переступаем за черту фактического. Что должно быть, то выше того, что есть. Следовательно, выводить долг из фактов – значит отрицать его, а вместе с тем отрицать и нравственность в ее истинном значении.

Алипий пишет: «Часто в таких теориях указывается и на религию, как на источник истин и правил, и замечают, между прочим, что религия и научная этика имеют одну и ту же главную задачу – установить полную гармонию жизни – и должны содействовать одна другой в достижении этой цели. Религия в таких учениях понимается не как непосредственное откровение Божие, а как создание человеческого духа, только бессознательное, тогда как наука есть плод вполне сознательного творчества» [Там же, с. 50].

Среди такого разногласия о предмете христианской морали мысль Алипия, по его словам, невольно устремляется в прошлое, в золотой век церковно-христианской литературы, к учению Отцов, преемников апостолов. В учении Св. Отцов можно обрести критерий правильности наших суждений в понимании христианского учения о нравственности. Св. Отцы в опытном познании борьбы с ветхим человеком в себе дали опыт нравственной христианской жизни. Открытия в науке становятся достижением всего человечества, точно так же и открытия в *науке святости* принадлежат всем людям. Эти открытия принадлежат св. Макарию, св. Антонию Великому, св. Пахомию, св. Василию Великому, Ефрему Сирину, св. Иоанну Златоусту.

Если анализировать труды Отцов в целом, то становится очевидным, что все они находятся в единой парадигме, которая, в свою очередь, базируется на апостольском нравственном учении. Это прекрасно сделано в работе выпускника Московской духовной академии А. Богородского «Нравственное учение Ап. Павла». В этой работе, прежде всего, подробно излагается христианская антропология: «По учению апостола Павла, человеческой природе принадлежит дух и тело, но это еще не составляет его как нравственно-своеобразную личность. То третье, что существует в человеке в силу единства духа и тела, есть душа. Тело есть внешняя организация, которой внутренне принадлежит душа. Душе внутренне принадлежит дух, как субстрат личного самосознания, как внутренняя организация, через которую душа становится способной к общению с Богом. Таким образом, человек имеет дух, который нельзя смешивать с душой. И в результате обладания духом, человек есть личность, способная к нравственной жизни. Следовательно, только осознав себя личностью, “Я” владеет своими мыслями и действиями, может обуздать чувства и вооружиться против пороков» [2, ед. 15, с. 32].

Свобода воли – принадлежность каждого существа. Возможность и способность сознательно определиться – вот результат свободы. Ум, согласно апостольскому учению, направляет волю, которая должна находиться у него в подчинении, но у невозрожденного человека воля и ум не согласованы.

Внутренний нравственный закон, как утверждают многие мировые религии, не есть результат жизни народов, но имеет сверхъестественное происхождение. Сакральный русский язык, созданный по боговдохновению святыми Кириллом и Мефодием, обозначает этот закон словом «совесть». Совесть на основании разума и нравственного чувства присуща сердцу и показывает нам обязанность (долг), то есть волю Божью. Функционирование совести определяет нравственно доброе и нравственно злое. Но, к великому сожалению, ни наличие нравственного закона, ни даже прекрасное знание его не могут привести человека к нравственному совершенству.

Нравственное есть жизнь, выводимая из сознательного и свободного самоопределения, всецело согласующегося с Божественным законом. Но поврежденный человек и через закон, данный Моисеем, мало способен быть нравственным. На помощь человеку пришло христианство, которое возвестило высший нравственный закон и даровало благодатные средства для его исполнения. Дохристианское нравственное состояние есть состояние ветхого человека, в котором все раздвоено и находится в *противоречии*: ум и воля, дух и плоть. По немощи, плоть противоречит закону ума или совести, в ней активно действует ветхий человек и делает то, что хочет.

Богородский пишет: «Апостольское учение определяет следующие нравственные обязанности человека: обязанности по отношению к Богу; обязанности по отношению к себе; обязанности к ближним; обязанности гражданские. Все эти обязанности находятся в неразрывной связи между собой, так что исполнение одних невозможно без исполнения других. Нравственная жизнь представляет собой органическое целое, которое возникает из одного корня и в котором всякий недостаток, а тем более порча, вредит не известной лишь части, а всей жизни вообще» [Там же, с. 77].

Обязанности по отношению к Богу носят вид богопочитания. Первой чертой внутреннего богопочитания является живая вера, но и она может быть не богоугодной, если не сочетается с усвоением ее сердцем и благоговейностью. Душу христианского благочестия составляют молитвы, моления, прошения, благодарения. Состояние человека без духа молитвы есть состояние бездыханного человека. Первой и главной задачей христианина по отношению к себе является то, что требуется для его духовно-нравственного совершенствования. Во-первых, христианину вменяется попечение о своей душе. Во-вторых, духовные потребности сводятся к трем главным стремлениям: поиску истины, желанию добра и любви к прекрасному.

Заботиться о духовном благоустройстве жизни – значит думать о правильном развитии этих потребностей и о возможном удовлетворении их. Нравственное добро тоже есть истина, но не в одном созерцании, а в самой деятельности свободно разумного существа. Необходимо правильное образование ума в известной степени обусловливает образование нравственное. Но нельзя впадать в опасную крайность, приписывая первому слишком большое влияние на последнее. Можно знать, что такое хорошо, но поступать, тем не менее, плохо, что уже само по себе грех.

Согласно христианскому учению, грехопадение стало причиной того, что человек утратил истинную свободу своей воли. Правда, он может выбирать между добром и злом. Но эта свобода выбора не совпадает с истинной свободой: напротив, необходимость выбора для человека между противоположными побуждениями его доказывает в нем отсутствие подлинной духовной свободы. Если, согласно христианскому учению, говорится, что человек вышел из рук Творца своего существом разумно-свободным, то это не значит, что первоначальное состояние его в нравственном отношении было неопределенным, что ему предстояло наполнять себя как пустой сосуд содержанием по своему выбору. Выбор есть предел духовной свободы, а не условие ее.

Характер нашего нравственного поведения определяется свойствами сердца, а в сердце невозрожденного человека преобладают греховные влечения. Далее, в той области действий, где есть свобода выбора, человек, предоставленный самому себе, чаще всего склонен поступать по побуждениям, противным закону нравственности, так как побуждения такого рода оказываются более сильными, чем добрые. Именно в этом открывается духовное рабство падшего человека.

Внимательное самонаблюдение и искреннее стремление к христианской праведности должны, без сомнения, порождать в христианине глубокое сознание слабости собственных внутренних сил. Так именно говорил о себе апостол Павел, когда считал нужным открыть ученикам внутренние опыты своей духовной жизни.

Согласно апостольскому и святоотеческому учению о нравственности, существует круг обязанностей, лежащих на человеке не только потому, что он христианин, но потому, что он находится в том или ином состоянии в тех или других отношениях. Поэтому, кроме общих начал и правил жизни, христианская нравственность содержит в себе более частные правила жизни семейной, гражданской и церковной. «Законы общественного благоустройства не есть нечто совершенно отдельное и отличное от нравственных законов: в основе первых всегда лежат или должны лежать последние. Человек не может раздвоиться так, чтобы смотреть на одни вещи как человек и совсем иначе как гражданин или совершенно различно понимать правду и неправду, честность и бесчестность, доблесть и позор как частное лицо и как член общества» [Там же, с. 122].

Общими и главными условиями не только благосостояния, но и самого существования гражданских обществ служат преданность граждан стоящим во главе и любовь к отечеству. Христианская заповедь об уважении гражданской власти и о покорности ей – общее правило, хотя уже и во времена апостолов появлялись мнимые ревнители свободы, которые отрицали право всякой человеческой власти и старались внушить другим непокорность гражданскому и духовному начальству. Это побуждало апостолов настойчиво говорить о повиновении всякой законной власти в мире. Итак, общественные обязанности по отношению к государственной власти и своему отечеству не только признаются христианской верой, но и возвышаются ею до религиозно-нравственного долга христиан.

Список литературы

1. **Алипий, иер.** Нравственное учение св. пр. Макария Египетского: рукопись // Архив Московской духовной академии (МДА). Ф. 172. К. 186. 238 с.
2. **Богородский А.** Нравственное учение апостола Павла: рукопись // Архив МДА. Ф. 172. К. 187. 255 с.
3. **Тареев М. М.** Религия и нравственность // Богословский вестник. М., 1904. № 11. С. 88-95.
4. **Янышев И. Л.** Православное христианское учение о нравственности // Янышев И. Л. Литографические лекции. СПб., 1881. С. 78-98.

MORAL ASPECT OF ORTHODOX PERSONOLOGY IN WORKS OF SPIRITUAL AND ACADEMIC THEISTS OF THE XIX CENTURY

Davydova Svetlana Il'inichna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Pacific National University in Khabarovsk
328gr@rambler.ru

The article deals with the moral metaphysics and moral theology of the tradition known as the Orthodox personology. This tradition develops the ideas of patristics concerning the understanding of the personality. The author analyzes the works about morality of the spiritual and academic theists of the XIX century: A. Bogorodskii's "The Moral Teaching of Paul the Apostle" and hieromonk Alipy's "The Moral Teaching of St. Ven. Macarius of Egypt".

Key words and phrases: faith; theism; morality; personology; anthropology.